

Когда приехали косари—
сбежалась глядеть вся округа:
Дачники, дворовые псы
и другие строгие судьи.
А лето выдалось в тот год
зловредней недуга:
Солнцем приманит—
и сразу дождём остудит.

И косари обманули:
ни песен, ни мускул,
Но потом к ним привыкли,
как ко всякому гостю.
Старший носил железные зубы,
смеялся тускло
И воду из родника
зачерпывал горстью.

Другой выпивал,
но трезвый—чинил ботинки,
А денег за это не брал—
ну разве немножко.
И только третий—
как будто сошёл с картинки,
А дома его дожидалась
жена-хромоножка.

Все откуда-то знали,
что живёт он с нею не венчан,
Что она одета в три кофты,
наподобье капусты.
А ещё среди косарей
было несколько женщин—
Вроде не старых,
но молчаливых и грустных.

Наутро взялись косари за дело.
А птицы пели,
И в ближнем ельнике падали шишки
с тяжёлым стуком.
Звенели косы, как струны.
И в продолженье недели
Дождя не случилось,
как косари и хотели.

И вот на прощанье, в субботу,
закончив дела до срока,
В тесовой сторожке
возле самой дороги
Косари собрали тех,
кому одиноко.
А одиноко было если не всем,
то многим.

Женщины хлопотали,
старший стоял у двери,
Встречал гостей
и шутил с ними о погоде.
Второй крепился, чтоб не напиться.
В какой-то мере
Это и удалось ему вроде.

А младший сел, как нарочно,
под образами,
И красный угол казался
ещё краснее.
И красавица первая
спросила, блеснув глазами:
«На что тебе хромоножка?
Зачем ты с нею?

Пойдём со мною,
ты лучшей доли достоин.
Лицо моё—видишь?—красиво,
и дом мой светел.
Я буду любить как никто!»
Но он остался спокоен.
Улыбнулся только
и не ответил.

И лишь под утро,
когда почти опустела сторожка,
Сказал негромко:
«Не мила никакая другая.
Я жив, покуда со мной
моя хромоножка.
Ни дождь, ни молния
тропы моей не достигает.

Враги мои чахнут,
причины не понимая,
И время летит—но не старит
в злобе напрасной...
Знаете—я даже рад,
что она хромая,
Мне и так с нею боязно,
с безнадёжно прекрасной».

А когда уехали косари—
пришла гроза невиданной силы,
Даже старухи
такой не помнили страшной.
И тот, кого после полудня
в дороге она захватила,
Домой возвращался под утро
как будто из рукопашной.

Буря умчалась внезапно—
как накатилась.
Сильно шмели заныли
в траве усталой.
И ни с кем—ни с людьми, ни с живностью—
ничего не случилось,
Только у дома красавицы вырос цветок—
дикий, алый.

Дня четыре смотреть ходили
на это диво.
Рассуждали: за что ей такое?
Случайно, что ли?

И сказал дурачок деревенский:
«За то, что красива.
Правда, она всего лишь красива,
не боле.

А каждый живущий
достойн своей награды:
Любовь награждается верностью,
словом—слово,
Достойна восторгов
тоска соловья ночного,
А яркая внешность—
такой—цветочной—услады».

Но люди не слушали дурака—
ещё не хватало!
И расходились,
о чём-то своём печалась.
И было среди них
заботливых, верных немало,
А вот счастливые
что-то редко встречались.

А дурачок стянул
в буфете колбаски,
Стал жевать и мечтать,
подпевая мечтам нестройно,
Что однажды приедут в село косари—
как из сказки,
И будет село
таких косарей достойно.